

ВАЛЕРИЙ ФАДЕЕВ

АМЕРИКА-ШРАМ

Путешествие времен заката советской империи

В далеком сегодня 1991 году российское общество было охвачено одним общим настроением, а именно *ожиданием больших перемен*. Причем перемены эти виделись всем скорыми, а жизнь после них — однозначно лучшей. В общем, шло сближение СССР с западным миром. В качестве маяка в этом плавании (или лучше сказать — дрейфе) выступали, конечно, США, лидер Запада.

После отмены статьи Конституции СССР, согласно которой Коммунистическая партия являлась “руководящей и направляющей” силой советского государства, поездки рядовых граждан за границу стали проще. Сбывались мечты о свободе передвижения. Ушли в прошлое мешавшие этой свободе характеристики от райкомов и парткомов, а также инструктаж отъезжающих за рубеж.

В поездку, о которой я хочу рассказать, кандидаты отбирались уже “вашингтонским обкомом”, то есть посольством США в Москве, да и что там говорить — лично тогдашним послом Дж. Мэтлоком. Принцип был один: это должны были быть политически активные и демократически настроенные граждане, которые успели занять заметное, а лучше командное положение в обществе. Поэтому среди нас оказалось так много депутатов. И было одно условие: набирали тех, кто не разу не был в США.

Правительственная программа предусматривала широкое знакомство новичков с американской жизнью и политической системой, а для того щедро оплачивалась из госбюджета. Мы как участники смутно догадывались, что целью организаторов было как можно сильнее расположить нас в пользу своей чудесной страны, чтобы впоследствии мы, как зачарованные, могли бы превратиться в неких **апостолов** американского образа жизни и, обходя моря и земли, жгли бы сердца людей пылающим образом “американской мечты”. Или как стали говорить позже, сделать из нас **“агентов влияния”**. Тем интереснее будет читать эти путевые впечатления, понимая, какой след оставило в нас знакомство с Америкой. Пути Господни, как известно, неисповедимы, и многие организаторы подобных пиар-акций не могут предположить, *каких* (часто прямо противоположных желаемым) результатов они достигают! Насколько я мог отследить, никто из нашей ватаги не стал впоследствии апостолом американской религии мирового превосходства.

Уже тогда, в период наших романтических отношений с Западом, нельзя было не заметить расхождения между провозглашаемыми целями и получен-

---

ФАДЕЕВ Валерий Валерьевич родился в 1963 году в Москве. Окончил МГПУ. Основатель и участник первых дискуссионных клубов “Перестройка” и др. Депутат Моссовета. С 1994 года на работе в аппарате Государственной думы. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ными результатами (а также спрятанный за спиной нож). Нынешнее возрождение влияния России на мировую политику, не в последнюю очередь, связано с той настороженностью, которая охватила нас (и других) после посещения центра Западной цивилизации. Далеко не все там было так привлекательно, как виделось издали, и даже искренность, с которой американцы сообщали о своих проблемах, вызывала недоверие. Теперь, когда враждебность ко всему непохожему на *made in USA* и пренебрежение к человеческой жизни, если она не западная, а, скажем, славянская или азиатская, когда этот цинизм так называемого “золотого миллиарда” открыто продемонстрирован всем и каждому, наконец, понимаешь, откуда брались наши сомнения, откуда возникал наш скепсис, с которым мы покидали в 1991 году это “самое лучшее в мире государство”.

Первые впечатления, действительно, самые яркие – и самые точные, поэтому наш опыт знакомства с Америкой, надеюсь, может быть интересен и сегодня, когда вектор наших политических отношений после долгих лет уступок и неопределенности, наконец, повернулся от поглощения – к противодействию.

ТИП ЧЕЛОВЕКА

С самого первого дня, нет, даже не дня, а часа поездки в Америку у советского человека обостряется весьма заразная и гнусная болезнь: к а т а л о ж е с т в о. Начинается перелистывание рекламных каталогов, брошюр, журналов – конечно, не с целью купить, а так – *посмотреть*, прицениться. Я бы сравнил это даже не восторгом кастрата над эротическим журналом, а с чем-то еще более глупым, непристойным и смешным.

Подумать только: наш человек едет на Запад для того, чтобы путем экономии денег, унижений, выпрашивания жалких подачек и коммунистическо-полуголодного стоицизма приобрести какую-нибудь финтифлюшку, и, приобретя эту столь возделенную мишуру, он возвращается домой чуть ли не победителем – героем!

Конечно, *homo soveticus* нечего было терять и нечего приобретать: он ехал в Америку без идей и мыслей, и потому не мог привезти оттуда ничего, кроме раздувшейся, как труп разлагающегося животного, алчности. Ах, если бы он привез оттуда хотя бы маленькую мыслишку: *о ничтожности и однообразии современного человеческого типа*. Это уже была бы непустая поездка.

С другой стороны, не устаешь удивляться: как мало надо некоторым, чтобы стать “счастливым”: две пары джинсов, видеомагнитофон, цветной телевизор и золотая цепочка.

Но еще хуже: Америка для советского человека чуднее Индии и куда экзотичней, чем Китай. Она отнимает у нашего человека ум и сознание – и одна мысль болезненно свербит в его мозгу: как сделать так, чтобы *откусить как можно больший кусок* от этой Америки-пирога; а еще лучше: как бы запихнуть его в рот **целиком!**

А финал самый неожиданный: многие теряют в Америке то последнее, что давало им хоть какое-то значение. Они перестают быть даже советскими людьми. Для большинства это было вовсе не желательно, даже наоборот.

Меня забавляет **роль**, которую нам отвели в этой поездке: дескать, вот взгляните, это советские *политики новой волны*. Просим любить и жаловать.

Это, конечно, не путешествие. Словно *редкий вид животных*, нас проведут через Америку, демонстрируя ради утехи публики в отведенных для этого специальных местах.

К тому же, глупо морочить людям голову и выдавать себя за политика, сопредседателя Либерального клуба, депутата Моссовета, рассуждать о Горбачеве и перестройке, когда уже дома все это надоело до тошноты, приелось и вызывает сильное, накатывающееся волнами желание – плюнуть на все это: Горбачева, перестройку, Моссовет, рынок.

И что можно объяснить американцу за полчаса, когда тебя перебивают другие болтуны, каждый желая непременно показать, какой он смелый, умный и оппозиционный. А получается: какой он *пошлый*.

Раньше было принято думать, что путешествия служат *рассеянию ума, отдохновению и развлечению* человека. Пушкин писал об Онегине, что его охватил “род недуга – охота к перемене мест”. Но худо, когда от перемены мест – не меняется сам человек, и охота к перемене мест – не попытка ли

скрыться от самого себя, потерять себя где-то между Нью-Йорком и Тегусигальпой.

Первая оплошность — я забыл визитные карточки. Это всерьез огорчает меня, ведь не зря же изобретена лучшими сынами старой Европы, французами, такая удобная расчетная система, как **вежливость**. Ее принцип раскрыт А. Шопенгауэром в блестящем опусе “Афоризмы житейской мудрости”: **не жалейте фальшивых денег**, может быть, вам заплатят в ответ настоящими. И эти фальшивые деньги, так необходимые мне при моем *нраве фехтовальщика*, я оставил дома, наваленными в одну большую кучу.

Меньше всего я ценю в человеке *расхристанность* — какую-то эмоциональную слабость, часто переходящую в немоту физическую. Вот некоторые пассажиры — лежат всю дорогу на креслах в куче тряпья, до тех пор валяются, что становятся какими-то измятыми, скомканными, сами — почти не отличающимися от тряпок. “Это же не люди — это вещи!” — мелькнет внезапная мысль. Все-таки нужно держать в себе какой-то порядок, не расслабляться и не распадаться. Хотя бы с помощью мускулов.

10.02.91. Гостиница “Дюпон плаза”, г. Вашингтон.

Стиль жизни в Америке — по мне: никто никого ни к чему не принуждает и готов при этом терпеть слабости другого человека. Ритм тоже ненавязчивый: хочешь, живи по ночам, хочешь — как все остальные люди. Хочешь — не живи.

Телевидение — это чудовищный оглупитель Америки, но, впрочем, где оно — не остригает умы *под гребенку*, не парализует воли?

Я думаю, на жизни в Америке сильно сказывается близость двух океанов, как на России — ее *континентальность*. У Америки — крылья, у России — **толстое брюхо**.

Когда летели из Нью-Йорка в Вашингтон, всю дорогу балагурили сидевшие рядом молодые американцы: поощряла их к этому какая-то милая девушка. Парни, возвращавшиеся из Москвы, безбожно все преувеличивали: холод, преступность, цену доллара на черном рынке.

Наверное, это в характере человека: *преувеличивать* что-то, чтобы тем самым раздуть и свой авторитет.

Русские в Америке: бегают по всем магазинам до красноты в глазах и подчеркивают при любом удобном случае, что в России это хуже, это хуже и это тоже хуже, как будто это для кого-то новость. Актриса Ф. вчера удивилась в аэропорту: “Русские вороны — как собаки большие. Нигде в Америке нет таких ворон”.

Если нет ничего другого, остается основывать свою национальную гордость **на воронах**.

Американцы невыносимы: все разговоры, даже с милыми девушками, *о деньгах и работе*: “А где Вы работаете? А что это за фирма? А сколько Вам платят?” — а затем разные восторги или замечания насчет услышанного. В России такой разговор немыслим и неприличен. Все-таки у нас понимают, что человек может (может?) быть чем-то большим или чем-то иным, чем его работа, профессия и занимаемая должность.

Душа американского разговора — *сумма ежемесячного дохода*. То есть арифметика.

Наш переводчик-еврей, уехавший из Москвы в 1981 году, уж очень жалок. Ходит в дешевые рестораны, экономит на гостинице, к чему благоразумно призывает и нас, а также все время *пересчитывает деньги*.

Уверен, что в России он был меньшим скопидомом, чем здесь, да и считать копейки ему тоже приходилось реже. Вероятно, будучи преподавателем и переводчиком в Москве, он являлся состоятельным человеком, мог позволить себе покутить и всякие вольности, а здесь он — нищий, полубродяга, сумасброд. Почему же тогда он (и другие) так рвется в Америку? Ясно, что материальной выгоды нет никакой. Тогда что? Мифы? Гипноз?

Вашингтон в своей центральной части гораздо хуже Москвы, потому что претензия на величие здесь ничем не ограничена и стала архитектурной реальностью. В Москве хотя бы рядом со зданием Министерства среднего машиностроения стоят кособоко особняки Ордынки и другие автохтоны. Здесь все расчерчено по линейке и доведено до *полного идиотизма*.

Мемориал Линкольна для меня подобие будущего, конечно, воображаемого “Храма Горбачева”. Горбачев “стремится к великому”, как говорил Гель-

дерлин, но удержать огромную разношерстную страну – все равно что подставить плечи под небесный свод.

Этот подвиг Геракла даже на античном барельефе изображен плутовски. Геракл обливается потом, но Афина, стоящая рядом, делает вид, что ничего не делает, а сама исподтишка поддерживает рукою свод. Жена Горбачева, Раиса – не Афина Паллада. Как бы не пришлось нам вынимать его из-под обломков! (*Пришлось!* – примечание автора. – *А храм не пришлось строить*).

В Вашингтоне, однако, существуют и вполне человеческие места, например, Джорджтаун. Тем не менее, всюду находишь отпечаток Капитолия и Белого дома, словно к ним приложились, как к какому-нибудь фетишу, все живущие в городе жители. Как осуществили такое поголовное клеймение?!

Э., которую я посетил сегодня в Джорджтауне, озадачила меня в ресторане вопросом, кого я ценю из *современных* писателей? Оказалось, к удивлению меня самого, что я ценю **Набокова** за его смелую игру с двумя культурами, его свободную от привкуса журналистской толкотни речь.

Прекрасный дом в Джорджтауне, принадлежащий Э., она превратила в подобие распадной московской тусовки и очень гордится мазней каких-то авангардистов-шестидесятников, умерших в Нью-Йорке после отъезда из СССР. Замечаю, что *именно* здесь довольно-таки натужно поддерживают побасенку о России – ядреной матери и ее “страдальцах”-декадентах.

Некоторые образы этой “детской” сказочки весьма отвратительны: при известной наблюдательности легко заметить, что её авторы обрядились в одежды самой примитивной лжи и питаются мелкой злобой.

Низкий человеческий тип *авангардиста* размножился в Америке как туалетные мухи.

Э. похвасталась передо мной книгой “Тусовка” (еще одно *слово-подарок* от русских мировой цивилизации после “гласности” и “перестройки”), подчеркнув, что люди этой книги – люди моего поколения. Бегло осмотрев “Тусовку”, я был вынужден признаться, что если это мое поколение, то я хотел бы иметь *другое!*

В самом деле, большая честь – быть в обществе стареющей и потому молодящейся арлекинки Аллы Пугачевой, погибшего от пьянства Цоя, полудиота Мамонова и вечно инфантильного А. Макаревича! В окружении голозадых девиц из русского выпуска журнала “Плейбой” и каких-то невменяемых полухудожников-полугомосеков! Неужели я могу отождествляться с этой пошлятиной **только потому**, что мне 27 лет?!

Э. поняла меня, когда я ей сказал, что ни она, ни Н. не знают России, так как, мягко говоря, имеют дело с весьма узким кругом совершенно особых людей, которые, скорее, являются *утробной частью* Западного мира, какой-то слепой кишкой или анальным отверстием. К тому же, как она правильно выразилась, американцам недоступно, *“как движется мысль в голове русского человека”!*

Каверзный вопрос: *что такое русский человек?* – Ответ: несчастный медведь. Попавший лапой в расщепленное дерево.

13.02.91. Гостиница “Дюпон плаза”.

В Америке еще ясно просматривается своеобразный принцип разделения труда: **черную работу делает черный, белую работу – белый**. То, что американцы напридумывали о себе и своей стране, во много раз превосходит русскую склонность к вранью, с которой они рассказывают иностранцам о своей Родине.

Любопытный факт: об американских мифах нам поведал **кубинец**, ныне преподаватель Джорджтаунского университета. Не исключено, что все эти мифы существуют лишь в головах *иммигрантов*, слегка ошарашенных на всю жизнь тем, что они увидели в Америке.

Американский нищий – что-то среднее между просителем и *обыкновенным разбойником*. Ничего более омерзительного я не видел даже в России, где идея “всеобщего равенства” давно затуманила мозги.

Нищий в Америке – её *визитная карточка*: он не играет с вами в *игру милосердия*, а просто говорит: “У вас есть деньги, поэтому вы должны дать их мне”. Однако на эту полупросьбу-полуугрозу следует американский же ответ: “У меня есть деньги, и именно поэтому я тебе их не дам”. Отсюда берут начало все американские конфликты.

Храмы, синагоги и церкви выглядят *безжизненно* в Вашингтоне – именно поэтому они любопытны. Воспроизведенные в камне гробы, которые лениво зевают, лишены обычной человечины. Громоздкая рухлядь, выброшенная кем-то на улицу и так *забытая*.

Аполитичность американцев явно преувеличена. Америка *болеет политикой* – этой наиболее опасной **формой СПИДа**. Всюду желтые бантики – поддержка войны в Персидском заливе, флаги и значки, надписи на стенах, листовки, газеты и телевидение.

Скажу больше: политика – религия Америки, потому что ничего более впечатляющего у нее нет.

Также преувеличен *индивидуализм* американцев. Это просто смешно: достаточно включить телевизор или выйти на улицу, чтобы понять – американцы живут коллективами, Америка – **корпоративное** общество, возможно, более близкое к **феодализму**, чем мы сейчас.

Америке предостит “Иракгейт”: нельзя долго безнаказанно бомбить жилые кварталы. (Кабы знать, что еще предстоит Ираку в будущем и какие еще впереди Иракгейты! – *Прим. автора*).

КОЕ-ЧТО О СВОБОДЕ СЛОВА В АМЕРИКЕ

Здесь мы столкнулись с изощренной оркестровкой информации из Залива. Дирижерская палочка – **цензура!** – в руках военных и ЦРУ. Братья американцы! давайте обнимемся – у нас все одинаково: власть покупается за деньги, а деньги приходят от военных корпораций. Один из журналистов, сотовавших на цензуру, обмолвился: “Все, что мы пишем, тут же становится известным нашему врагу”. Отсюда вывод: *писать правду не надо*.

Только американцы могут так откровенно покупать своих политиков, называя это *лоббированием*. У нас в России даже прожженный плут все же следит за сохранением некоторой видимости его личной порядочности и независимости. Все-таки приятно иногда иметь “чистую совесть”.

13.02.91. Портленд, Гостиница “Холидей инн”.

Почему зрители сразу же разбегаются из театра после спектакля, как будто они с трудом удерживались на своих места в течение нескольких часов, ведь сильное впечатление притягивает, парализует, гипнотизирует нас? И что после этого *современный театр*, как не утрированная и чуть подсоленная **скука**?!
цвет и характер

Билли Холлидей говорит в спектакле (на который нас сводили организаторы поездки): “**Черные** отличаются от **белых** только тем, что все черное у них снаружи”. Закрыв глаза, стараюсь представить, какими цветами загорелся бы я, если бы все, что у меня внутри, могло как-то появиться снаружи. Вспышки, переливы и **адская темнота!**

Отсутствие жизни заставляет современного человека **питаться падалью**, в том числе имитаторами, подражателями и двойниками.

15.02.91. Портленд.

На вопрос, можно ли у вас **что-то изменить**, американцы отвечают весьма своеобразно: “Вы легко можете уехать из страны, куда Вам хочется”. А если мне **не хочется** уезжать, но хочется изменять?!

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ: “ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ ЧАЙ”.

Пока мы ели лобстеров в чудесном портлендском ресторане, словно выполняя некий обряд, исполненный грациозного этикета со всеми этими щипчиками, фартучками, вилочками, соусами и тарелочками разного размера, нам позвонили, чтобы спросить, когда мы приедем на заседание “школьного совета”. Ответ нашего сопровождающего поразил меня своей застойной мудростью: “**Мы едим лобстеров** – нам сейчас **не до советов!**”

День Валентина в Америке – чудесная возможность привести в порядок *инстинкты*, сбитые с толку нашей цивилизацией. Сексуальная свобода, при которой женщина проявляет инициативу: пишет письмо, что-то дарит, чтобы расположить к себе мужчину – возможного партнера. Любовь – **стихия женщины**, и потому нет ничего позорного в покорности женщины ее основ-

ному чувству, наоборот, она должна сохранять сексуальную свободу, бороться за нее, так как свобода выбора в любом случае предпочтительнее кухонной формулы-наручников: муж—семья—дети.

Любовь может быть *людоедским наслаждением*, ведь сладострастие в чем-то родственно *вампиризму*: так же хочется свежей крови. Не потому ли в Валентинов день люди **едят** на десерт сердца, а сердцеед Дон Жуан становится в эти часы наиболее почитаемой личностью. **Сердцеед** и **людоед** — какая между ними, собственно, разница?!

Конгресс в Америке — слабая копия **биржи** или аукциона, с той незначительной разницей, что там с молотка идет разное “тряпье”, заключаются сделки, а здесь с молотка идут законоположения и другая бумага — также пущенные в оборот торговцами, как и все в Америке. Этот молоток — родимое пятно на спине (или на лысине) американского политика, по которому я всегда узнаю его происхождение: он — корабейник, меняла, лавочник, дело которого *пересчитывать деньги в тумбочке*.

В речах здешних политиков — шелестит зеленая пачка пересчитываемых денег. Тише! тише! а то вы можете не услышать этого осторожного *шелеста*...

Фонд Саманты Смит. Г. Августа, штат Мэн

Еще раз убеждаешься, что *мертвый может быть полезнее живого*. Что бы и нам не припречь в тройку своих мертвецов?! Лихая была бы езда! Ленин! Сталин! Брежнев! А какой русский не любит быстрой езды?!

Вторая мысль здесь же: удивительно, до какой степени в Америке дошла *утилизация отходов*! В этом и заключается та неповторимая мистика рационализма, которую я то ненавижу, то люблю. Рационализм жесток, а на жесткости вырастают самые яркие потусторонние цветочки.

В *Новой Англии* сохранили привычку, приглянувшуюся мне еще в Лондоне, когда каждому дому дается какое-то прозвище — и это *прозвище* часто пишется прямо на пороге у входа в дом, кладется к вашим ногам как визитная карточка. Это утонченный индивидуализм, так как в назывании человек не просто обозначает вещь, чтобы ее можно было легко узнать и отличить среди других, но присваивает ее, распространяя на вещь творческий порыв своей личности.

Этим же подчеркивается, что у всего значительного должно быть **свое имя**: у коня, у сабли, у дома.

ЛОГИКА ВОЙНЫ

“Да, не все дипломатические ходы были сделаны. Да, если бы в Саудовской Аравии и Кувейте собирали бананы с апельсинами, а не добывали нефть, нас там не было бы. **Но** раз началась война, теперь мы должны ее одобрять”.

Отсюда вывод: хорошая (победоносная) война *лучше* хорошей логики.

Или: если мы не одобрим войну, то война может *не одобрить нас*.

Или — или.

Говорят, что Р. Согдеев, советский академик, женившись на внучке Эйзенхауэра, отошел от науки и просто живет счастливой семейной жизнью. Это как бы ставит ему в вину.

— “Представляете, что такое быть академиком в СССР?!”

Знаем: академик в России — это *небожитель*, счастливый олимпиец, который исключительно сверху вниз наблюдает за делами смертных.

Но откуда взялось такое **пренебрежение к жизни** и такая любовь к науке?! Может быть, хорошая жена стоит научной карьеры, своей лаборатории и академического звания? И почему не предположить, что и деньги, и карьера, и “очередные звания” — все это может внезапно осточертеть? И разве не в научной лаборатории зародился **Фаустус** не просто как “доктор Фауст”, а Фауст как особый человеческий тип?!

Новая Англия недалеко ушла от Греции, где важные решения принимались на городских собраниях. Т. Дройзен отмечает в “Истории эллинизма”, что размер городов был **счастьем эллинов**, так как на сравнительно небольшой по размерам агоре могло собраться по первому зову все взрослое (и мужское, замечу в скобках) население города. По всей видимости, амери-

канцы из Новой Англи столь же счастливы, ведь размеры их городков идеально приспособлены для *площадной демократии*. Подумать только: я готов примириться и с площадной демократией, но только при одном условии, что на площади *мало людей!*

Наша российская беда – в *перенаселенности городов*: деревни вымерли, а мегаполисы, наоборот, размножились как крысы, питающиеся бытовыми отбросами. Люди в городах мало связаны друг с другом, и когда они сбиваются в многотысячные толпы, то в гуще этой толпы начинается вихревое демократическое брожение, вызванное сильной тоталитарной закваской.

Революционные толпы, рассыпающиеся по замершим от удивления улицам, пьяны экстатическим энтузиазмом, от них разит перегаром своеволия, а в их глазах – хмельная жажда перемен.

Такую демократию, так же как *водку*, нельзя давать человеку, пока он не окреп духовно и не достиг некоторой зрелости характера. Мне всегда был омерзительен тип ребенка-Гавроша, весьма почитаемый в начальной советской школе, поскольку я никогда не являлся сторонником массового растления несовершеннолетних.

ДОМ ЛОНГФЕЛЛО В ПОРТЛЕНДЕ

Нет более нелепого места на земле, чем *музей-квартира поэта*; я это понял еще с Пушкиным. Когда тебе показывают пыльную чернильницу, это еще *не значит*, что ты приобщился творчеству.

Когда тебе показывают кухонный котел и спальню (больше похожую на склеп) родителей Лонгфелло, это ничего не прибавляет к его поэзии и ничего не отнимает от нее. Гений не вводит и м из окружающей его обстановки: он может жить заурядно, и даже чаще всего живет заурядно: в гостинице, в коммунальной квартире, в комнате у друзей – но это решительно ничего не значит!

Паломничества в квартиры поэтов приятно забавляют меня: вот если бы с таким упорством стучались вы *в творчество*, а не в двери гостиницы, где снимал Пушкин!

Кстати, Г. Лонгфелло, ища уединения, забивался в узкие сени перед кабинетом отца, где он мог, забытый всеми, тихо скрестись как мышь. Там, в сенях, написаны многие стихотворения поэта. Позднее семья приспособила этот угол под свалку старых ненужных вещей. Лонгфелло ужаснулся, увидев свалку на месте его поэтических восторгов. “Гунны захватили Рим!” – воскликнул он.

Что же, творчеству не пристало выбирать: словно молния, оно озаряет человека там, где его застал случай. Может быть, надо откровенно признаться в этом – и устраивать экскурсии в подвалы и на чердаки, в пивные и публичные дома, на свалки и свинарники, чтобы дать почитателям творчества обнять тайну его внезапного начала!

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ДЕМОКРАТА

16.02.91. Портленд, штат Мэн.

Профессор Портлендского университета м-р Гилл, у которого мы ужинали, показывал мне книгу, составленную им совместно с Г. Х. Поповым. Сборник статей не издавался по-русски, но представляет собой любопытное свидетельство, притом весьма недвусмысленное, безграничного конформизма нынешнего лидера “демократических сил”. Среди авторов – Кириченко (ЦК КПСС), В. Афанасьев, Гвишиани-Косыгин и прочая партийная номенклатура.

По свидетельству профессора, Г. Попов, будучи в г. Портленде, предосудительных взглядов на политику СССР не высказывал и *ни в чем дурном замечен не был*. С таким вот *аттестатом* и начал Гавриила Харитонович свою “оппозиционную” деятельность.

ЭВРИКА!

Теперь я понял! Нам нужно было возить с собою медведя и цыганский хор, чтобы кто-то обратил внимание в Америке на наши *демократические рассказы*.

17.02.91. Гостиница “Рэдисон”, г. Мемфис.

Музей изобразительных искусств Портленда поразил меня предельным **отсутствием творчества**. Ученические работы, на которых лежит каинова печать обреченного подражательства, семейные портреты, доведенные до карикатуризма, и разные вещи с улицы: вывески, таблички, пустые банки из-под пива, — заставляли не только меня, но всех остальных любоваться прекрасным **солнечным днем** через огромные окна музея.

Думаю, что именно **живопись** сыграла роковую роль в умерщвлении творчества, которое совершалось на протяжении всего XX века. Живопись XX века — это больше, нежели вид изобразительного искусства, это миф о доступности сокровитного, идея о размене творческих слитков на мелочь и бумажную шелуху. Я бы не побоялся сказать, что это почти **коммунистическое** восстание против высокого в творчестве, ведомое рабской мечтой о равенстве. **А итог** этого восстания: расплюснутые пивные банки и откровенные фотографии сексуально озабоченных особ **на стенах Пантеона!!!**

Если бы **войну в Заливе** не раздували нефтяные кампании, ее бы создали на американском телевидении и придумали сценарий в Голливуде. Одним словом, если бы не было войны, ее следовало бы придумать для Америки, питающейся свежей кровью. **Доброе утро, Америка!**

Живя в Америке, часто вспоминаю выточенные из черного дерева **счета полинезийского людоеда**, которые я видел у одной американской пары в Москве. Уродливые фигурки, нанизанные на металлический стержень, изображают собою количество людей, съеденных владельцем счетов. Изумительное соединение **меркантилизма и сакральности** в одном громоздком предмете! Именно эти людоедские счета я вижу, когда перечисляют по здешнему телевидению число жертв с той и с другой стороны. Сегодня убиты 11 американцев — фигурки на счетах передвинуты: забавная арифметика у войны, полинезийская!! **Кто кого больше убьет!** — вот сегодняшняя лозунг Америки.

Между прочим, **молодой профессор**, присутствовавший на обеде у господина Дилля, утверждал, что во время войны жертвы среди мирного населения неизбежны... и аппетитно жевал бифштекс. Я надеюсь, что он **не исключил** заранее себя **из этого числа**, иначе его утверждение, согласитесь, теряет всякий смысл.

Физиология нам говорит: думать лучше всего **на голодный желудок**. Может быть, **поэтому** у американцев такая приземленность мыслей?!

После посещения **шведского стола**, где каждый волен брать или не брать пищу в зависимости от размеров собственной алчности, уходись с твердым убеждением: “Русский — значит голодный”.

Все-таки я не **кочевник**: скакать с места на место, поднимаясь как по тревоге, не идет моему характеру. Боюсь, что такое бытие, в котором я пребываю в последнее время, может отразиться и **на стиле**: от него уже немного несет казармой... или этой гостиницей! Тревога!

Портлендский профессор Дилль, будучи в Москве, очень удивился, что русские, оказывается, **называют Ленина преступником**. Не долго думая, он купил быстрее в первом попавшемся магазине целую кучу значков с изображением Ильича. Ему показалось, что **лет через пять** их невозможно будет достать. Он явно поторопился, приняв напускное красноречие за переворот в сознании и за “переоценку всех ценностей”. К примеру, **Горбачева** ругают еще хлеще. Достается также **Сталину, Хрущеву и Брежневу**. Честно говоря, трудно найти политика, которого с той или другой стороны не обливали бы грязью. Не потому, конечно, что нет хороших политиков, а потому, что политика и грязь прилипают друг к другу. С другой стороны, почему у меня нет никакой охоты покупать значки с изображением **Линкольна** или **Элиаса Пресли, Буша** или **Рейгана**? Не нужны мне американский флаг, вашингтонский орел и другая патриотическая атрибутика. Значит ли это, что я гоняюсь за чем-то **более ценным**, чем побрякушки, и хочу увезти что-то большее, чем значок?

И все-таки **отсутствие** в мыслях американцев Ленина и Сталина **освежает** здешний воздух. Хотя памятник Т. Шевченко в Вашингтоне, подогнанный под вкус местной общины, столь же безвкусен, как его близнец перед гостиницей “Украина” в Москве, памятник Ленину в Америке — просто **невообразим**. Хотя жизненная отметка стоит здесь прочно и долго на **стабильно низком уровне** значков, памятников и флагов.

ОДНОМЕРНАЯ АМЕРИКА

Я готов признать, что Америка не имеет никакой *внутренней жизни* – так ково здесь засилие *поверхностного*, в человеке! Когда я вижу государственный флаг в окне дома или на балконе, я хватаюсь за голову: “Еще один человек торопится отпрапортовать о своей смерти!”

Американский сервис – *навязчив*. Представьте себе, шесть или семь утра: вы спите, а к вам ломится в дверь черная служанка отеля – и ни свет ни заря добивается от вас, полусонного, **когда именно** надо убрать ваш номер, заставляет вас где-то расписаться, поставить на бумаге *точное время*, а затем вы возвращаетесь вечером **в неубранный номер!!!**

“*Ты для меня недостаточно черный!*” – так может здесь осадить один негр другого. Как жаль, что никто не поймет меня, если пристыдить кого-нибудь в России – и совершенно справедливо: “*Ты для меня недостаточно русский!*”

18.02.91. Radisson Hotels Int.

Русскую историю в мемфисских школах изучают по путевым очеркам американского “французика из Бордо” – журналиста, озаглавленным “Русские”. С таким же успехом можно было бы изучать нашу историю **по сплетням бабушек на лавочках**.

В Америке есть запрещенная организация (предмет моего пытливого интереса) – ку-клукс-клан, которая, однако, неистребима так же, как **общество “Память”** в России. Ку-клукс-клан – это не только культура и психология **южан** в Америке, но еще и черта характера белокожего человека, своеобразная *складка*, которую не так-то просто разглядеть.

В Америке, несомненно, есть черты здорового общества, чему одно из доказательств – *гладиаторы*. **Спорт**, который сильно напоминает римский цирк, – еще одна религия здесь (после политики). Зрелище, притом жестокое, здесь в таком же избытке, как и хлеб, и над входом в любой американский дом (и просто в Американский Дом с большой буквы) вполне уместно будет повесить надпись: “**Хлеб и зрелища**”.

Гладиаторы – *люди-игрушки*, единственное назначение которых быть зрелищем для других, лишь один из многих редких типов людей, которые существуют в Америке, где еще сохраняются некоторые экзотические человеческие разновидности, давно истребленные *духом равенства* в Европе.

В Америке человек занимает свой определенный этаж, свой ранг, и, несмотря на внешнюю раскованность в поведении, американец не может преодолеть **невидимую стену**, отделяющую его от американца другого ранга.

Предельно заостренное внимание к *невидимым стенам* дает начало здешнему *аристократизму*, с которым взлелеян в американской элите такой дух превосходства (*superiority*), что от него **кружится голова** и у обитателей самых нижних этажей – подвалов, нор и пещер: у всего подземного и подпольного в Америке.

Нигде я не видел столь изощренной *игры с женщиной*, как здесь. **Ей** позволяется даже заплатить за вас в ресторане, чтобы как-то *не ущемить* чувство ее собственного достоинства, не говоря уже об остальном. Это называется “независимостью”. Ничто американская женщина не соблюдает строже, чем эту “независимость” – о чести, как о старомодном понятии, мы здесь даже не упоминаем. Честь американкам беречь не надо: ни смолоду, ни со старости, – а вот “независимость” – *другое дело*.

Впрочем, так же поверхностны в понимании “независимости” американские мужчины: для них также недоступна иная, более опасная и более глубокая независимость, которая лежит *вне сферы отношений между мужчиной и женщиной*.

Главное достижение Америки – наплевательское **равнодушие**, которое здесь именуют “терпимостью”. Ничто не воспринимается близко к сердцу: нет вещей или идей, скорее – идей, ради которых можно было бы пожертвовать жизнью. Люди как бы одномерны и не могут открыться для всеохватного чувства: их внимание рассеяно, память ослаблена, переживания неясны. Человеческая бытовая мудрость, граничащая с полным идиотизмом. Мудрость **евнуха**, поселенного в турецком серале.

Равнодушие американцев порождено стремлением к удобству и не имеет ничего общего с **нигилизмом**, свойственным русским Чайльд-Гарольдам.

Жизнь для американца не имеет вкуса, если она не удобна как **писсуар**. (Его и можно сделать зримым символом этой цивилизации наряду с бидэ! – Примечание автора).

Русские твердо привержены своей первой заповеди: “Любите дальних”. Притом, чем дальше от нас кто-то находится, тем лучше. Вероятно, мы предполагаем, что в этом чувстве возможна взаимность, если возьмем глупые любовные письма от русских девушек в Америку (как, к примеру, я). **Любовь к дальним** предполагает непременно сохранение определенной дистанции, как в настоящем, так и, **особенно!** – в будущем. А чувство дистанции – единственное чувство, которое как-то сближает нас с **миннезингерами**, то есть с прекрасным временем торжества иерархии в отношениях между людьми, делавшей жизнь **аристократии** мучительной и цельной.

Дух революционности прямо-таки распирает черную Америку: недаром говорят, что война – это утренняя заря революции. Мало кто из русских знает, сколько **черных** (по-нашему **негров**) в Персидском заливе, а их там более 80 процентов в составе американского “ограниченного контингента”. Отсюда африканский тезис: “Война в Заливе – это **геноцид** нашего народа”.

Идя по берегу Миссисипи, невольно вспоминаешь, сколько **отрубленных голов** и **кастрированных половых органов** зарыто по ее берегам. О, великая и обильная, матушка-Миссисипи!

РЕЛИГИЯ В АМЕРИКЕ

Между прочим, только выслушав дутое красноречие христианского проповедника-циркача, который пляшет на канате одной-единственной мысли, понимаешь, что **такое сильные речи**. Я уже не говорю о **молчании**. А в баптистской церкви, напротив, очень шумно и сутолочно, как в кафе. Изошренная форма при бедности внутреннего содержания превращает такую речь в большой и переливающийся цветами радуги **мыльный пузырь**. Чуть отлетел он от ваших губ – и лопнул! Фух!

Сильные речи даже из уст заики льются медленно, как расплавленное золото, они обжигают, ранят, оставляют шрамы на теле и отметины в памяти, которые не зарубцовываются. В сильной речи совершается выбор – **бросается жребий**, переходит Рубикон, поэтому голос судьбы звучит в них с предельной открытостью и завораживает, что бессильны сделать сладостные переливы прекрасноголосого болтуна – преподавателя “вечных истин”.

“Саша, **джентльмен не должен быть скрягой!**” – фраза нашего спутника, депутата А. (Эммануиловича), обращенная к не в меру экономному товарищу, за которую он достоин быть изваянным в бронзе... или хотя бы взятым в очередную поездку по скаредному и корыстному Западу.

21.02.91. Гостиница “Омни Нортстар”, штат Миннесота.

Только вылетев из Мемфиса и сев в Миннеаполисе, понимаешь, что попал из **американского Узбекистана** в американскую **Эстонию**.

Видимо, хлопок и жаркий климат изначально несут в себе перспективу бедности, жизнерадостности и отсталости. После этого задумаешься: что сеять? Может быть, лучше выращивать в Узбекистане виноград, кукурузу и персики, чем хлопок и пшеницу? Ведь, как говорится, что **посеешь...**

Черная баптистская церковь заставила вспомнить меня о Российском народном Фронте (РНФ) – одном ублюдочном политическом обществе, чьи митинги организовывались ради “сбора средств на демократические преобразования”. С. Г., казначей данного Фронта, ныне наш брат – депутат Моссовета, прочесывал послушные стада-толпы с прозрачным ящиком в руках и собирал обильный урожай рублевков. “Настрелянные” деньги, в основном, проедались затем в ресторанах, тратились на личные нужды секретарей РНФ, которые только возрастали со временем.

Вот и здесь, в церкви, под конец службы вынесли тоже **ящичек** и довольно-таки **навязчиво призывали** жертвовать, сколько кто может, но не меньше доллара. Знакомая, **русская** картина! Побирушка и жулик, прикрывающийся “высокими идеями” и “интересом народа”. Знаем-знаем!

Кстати, один из “спиритуэлов”, который пели негры, в трогательном наивном стиле открывает нам завесу над чаяниями, послужившими основой веры африканцев в белого бога: когда бог возьмет негра в рай, он даст ему

башмаки – и тот войдет в рай обутым! Дело в том, что негры-рабы ходили босиком (**босьяки!**) и завидовали белым, имеющим сапоги и другую обувь, так что вера их была вполне корыстна: **я** в Тебя верю – а **Ты** мне дашь башмаки. Так сказать, **баш на баш**.

Традиция самосуда, или **суда Линча**, как его здесь называют, еще не пресеклась в Америке. Усвоив этот факт, особенно сладко рассуждать с американцами о торжестве права в их государстве, о законности вообще, о “гуманизме”, “феминизме”...

МОЯ СЛАБОСТЬ

Любовь – трагедия, которая может произойти из-за пустяка: какая-то **царапинка**, неосторожное слово, минутная **слабость**. Нет, я решительно чужд сострадания к погибающим от любви: они сами вошли в пещеру старого дракона – пусть теперь их любопытство посмотрит на его острые белые зубы! С гнилыми кусочками мяса, застрявшими между ними.

МОЛИТВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Не дай мне Бог когда-нибудь уподобиться посетителям музеев, картинных галерей и прочих *достопримечательностей!*

26.02.91. Г. Финикс, штат Аризона, гостиница “Рамада Аллей Хо”.

На вопрос мамы Н. в Миннесоте, что меня больше всего поразило в Америке, я честно ответил: “**Советские люди!**” То есть бывшие советские люди, теперь обитающие на просторах Потомака и Миссисипи. Вернее, это не люди, а какие-то слизняки, ископаемые *брюхоногие*, подавленные сознанием собственного ничтожества (почему?), и от этого особенно наглые (это всегда!).

Но если еще вспомнить, что врезалось в память – это длинная очередь на распродаже в Портланде, где американцы, купившись на 80-процентную скидку, набросились на халаву как русские! А я-то думал, что в Америке не бывает очередей! Нет, *нищенский огонек*, блуждающий в глазах американцев, подмигнул нам вполне определенно: “Мы с тобой *одной крови*, ты и я”.

Меня пугают *усталые глаза* американцев, то и дело проверяющих, который час, потому что им *завтра на работу*. Они в этот момент, особенно когда сидишь в ресторане, выглядят противоестественно, как очень тщательно отдрессированные животные. При всей внешней напускной гордости за выученные с помощью палки прыжки и галопы, из вышколенного животного выпирает страх, самый обыкновенный страх, такой же первобытный, как у школьника, несущего в портфеле двойку. Смотришь на американцев и думаешь: “Такие-то они *запуганные!*”

ДОМ МЕЛАНИ Д. В МИННЕСОТЕ

Сколько раз я убеждался, что туризм – *форма разврата*. Спорт и здоровье – это двуногая формула для простаков: дело тут не в здоровье, а в скотском четвероногом наслаждении, которое накрепко связывает спорт не со здоровьем, а с **сексом**.

Потому самое яркое в рассказах о путешествиях – *пикантные истории*, произошедшие на самолете, в поезде, на пароходе, и вообще везде, где можно прилечь, привстать, присесть и раздвинуть ноги...

28.02.91. Гостиница “Нью Йорк отель”, г. Сан-Франциско.

Идешь по **Сан-Франциско** – на стене надпись: “Как насчет американской мечты?” Взглянешь под ноги – на тротуаре накарябано: “Пожить-то стоит!” Такой вот городок!

Наши вернулись со стриптиза воодушевленные. Рассказывают, что там кто-то забирался в голом виде на дерево, и помимо всего прочего с удовольствием засовывал однодолларовые бумажки в щелочку между ног. Такова Америка: грубые *удовольствия* здесь занимают место изощренных искусств. Но какой надо иметь кишечник, чтобы переварить такую “пищу”.

Только американцу может прийти в голову извиниться за своего президента, за его высказывание, что **СССР – империя зла**. Русского, извиняю-

щегося за софизмы Горбачева, приняли бы за идиота: *антинародность* власти для русских – вполне очевидная вещь. И затем: откуда известно, что констатация факта, будто Россия – империя зла, мы воспринимаем как оскорбление? Может быть, как *похвалу!*

1 МАРТА. ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С МОЛДАВСКИМ ПАТРИОТОМ

В мой номер постучалась простая мысль: есть культуры, которые, может быть, не стоит сохранять. Что-то мелочное и недостойное видится мне в погугах националистов непременно сохранить, сохраниться, сохранять все: вплоть до *ничтожных* черт их *повседневности*. Кто знает историю, мог заметить, что высокая культура обречена на гибель, что не смогли сохраниться греки, римляне, итальянцы эпохи Возрождения, что одна культура сменяет другую на территории одной страны, причем изменение происходит обычно не в сторону повышения, и что лучшей *иллюстрацией* неутолимого желания к сохранению своей культуры является египетская мумия – засушенный и обмотанный бинтами *труп*.

Сегодняшнее отношение к культуре напоминает коллекционирование: этого немного, этого чуть-чуть – а в результате получается такой *суррогат*, что единственное, чего он достоин – это быть слитым в мусорное ведро. Причем каждая культура в этой коллекции – это приколотая булавкой бабочка, пыльца с крыльев которой давно уже облетела.

Мексиканцы и “чиканос” по Америке расползлись, как тараканы по квартире: забились в каждую теплую щель и шевелят оттуда своими черными усами.

Наблюдение американцев: “У вас тоже было бы меньше демонстраций, если бы было больше телевизионных программ”. Добавим от себя: “И колбасы”. Вот вам и *формула процветающего общества!*

Или: колбаса как символ русской демократии! Или: демократия есть колбаса плюс теле вещание на все возрастающем множестве каналов.

Я берусь доказать, что деньги в Америке пахнут. Когда берешь доллар в руки, полезно знать, что, может быть, именно эту бумажку пьяная проститутка в Сан-Франциско засовывала во влагалище, чтобы развеселить толпу скучающих мужчин. В американских барах не помнят о предостережении Шопенгауэра: “Никогда не делай того, о чем неудобно будет рассказать за обедом”. Именно за обедом в Америке делают много такого, о чем просто *неудобно рассказывать*.

Америка – *сексуальная страна*. Так я бы охарактеризовал ее одним предложением. Иными словами, все здесь размягчено, изнеженно, царит куртуазная вежливость, расслабленность. Нервы от этого “мягкие”, нравственность – “гибкая”, чувство борьбы притуплено. А еще говорили, что Штаты – наш потенциальный противник! Куды там!

Наша же матушка-Рассея озабочена, как сорокалетняя продавщица овощного магазина – столь же толстая, как и похотливая. Продавщица моркови. С ней и русскому мужику не совладать – куда там американцу!

Однако американское общество не просто изнежилось, но *обженцилось!* Достаточно посмотреть многочисленные развлекательные журналы, чтобы понять, какой *женоподобный* тип мужчины там культивируется. И какой мужеподобной становится женщина!

ОТВЕТ РУССКОГО СВЯЩЕННИКА

Сан-Франциско. Еду с местным священником в машине. Спрашиваю: “Что, по-Вашему, представляет из себя Америка?” Отвечает: “Америка – это страна *победившего материализма*. Вульгарного”.

3 марта. Г. Вашингтон. гостиница “Карлельс”. “Звезда упала”. Неожиданный вопрос на встрече в Сан-Франциско с русскими американцами: преимущественно белогвардейцами и власовцами, – воодушевил меня: “Что вы думаете о Керенском?” – “Лично для меня Керенский еще слабват. Он для меня еще очень левый, социалистический. Конечно, он не такой красный, как Ленин, и не был готов идти так далеко, как пошли большевики, но все-таки он какой-то розовый. *Розовый*, и потому он *для меня слабват!*” Аплодисменты.

– А Вы знаете, что Керенский был *масоном*? – Дальше начинается нудная экстраполяция теории жидо-масонского заговора против России. А мне-то

показалось, что здесь хотят задавать вопросы – нет, и здесь все ищут возможности высказаться. И несут тот же бред, что в Москве. Русские повсюду одинаковы!

Иногда правильно: от размера альбома, где пишешь, зависит размах мысли. В маленькую книжечку вмещаются только короткие, отрывочные, обглоданные мысли. Ширина страницы и разлет почерка – это ритм фразы, а ритм – это стиль, а стиль, как известно, это человек. Поэтому я хочу еще один такой же альбом.

Так что не только у книг, но уже у *будущих рукописей* – альбомов и тетрадей – своя судьба! И я люблю мою судьбу.

5.03.91, 1 ч. 03 мин. Гостиница “Carlyle Suites”, г. Вашингтон.

Русский юмор в аэропорту Америки: “Голые бабы по небу летят – в баню попал реактивный снаряд!”

Американский юмор: “Вы хотите лететь самолетом “Пан Американ”? – Покупайте с а м о л е т – и летите!” (компания обанкротилась и продает все с молотка)!

Вот вам и *разница* между русскими и американцами.

Две вещи в Америке сводят с ума русских: порнографические журналы и свободная продажа оружия. Особенно *второе*!

Надо же, ведь еще со времен древней Греции повелось, что рабы не имели права на ношение оружия. Им невдомек, что *современные рабы* имеют право даже на ношение оружия!

Америка – страна, в воздухе которой, если по-гоголевски зажмуриться и глубоко затынуть ноздрями – чувствуется разлитый в нем *запах рабства*. Да, рабства. И утонченной жестокости, господства!

Что касается порнографических журналов, их неоценимое достоинство – в пробуждении в мужчине *инстинкта охотника*, ловца и преследователя зверя. Дикого волка, напившегося человеческой крови. Место этих журналов – рядом с охотничьими, в которых азартные бездельники намечают свою будущую жертву: большую рыбу, пушистую кошку или *хищную птицу* с царским оперением.

Г. Финикс.

Душная ночь. Где-то далеко играет музыка. Я обедаю в ресторане один. В последний момент депутат П., пожалев деньги, куда-то исчез: он больше никогда не будет в Финиксе, не увидит его идеально подстриженных газонов, которые хозяева утюжат каждое утро; не увидит освещенных витрин с безделушками, золотом, жемчугом и эбеновым деревом; не прикоснется к громадным тропическим пальмам и драконоподобным деревьям из Китая; не сядет на балконе с зажженными спиртовыми факелами, чтобы попить при их танцующем свете, как это делали греки и римляне; не вдохнет этого сладкого воздуха пустыни, пьяного от неправдоподобно больших кактусов – ничего этого не будет, но он ушел. А я сижу и, поглощая экзотический китайский суп, мечтаю о море и думаю, что деньги портят только того человека, который уже испорчен, в котором уже была червоточина, прогрызенная жадностью и непомерной мелочностью желаний. Эту мысль я съедаю за вас на “первое”.

Н. сказала мне как-то, что наши советские деньги для нее – “монополиманей”, одним словом – фантики, игрушки, нарезанная бумага. Да, но для нее её американские бумажки – не игрушка! Если бы она знала, что для меня любые деньги – *только игрушка*. Важно одно: заставить эту игрушку играть! Заставить эту рулетку вертеться! А американские фантики в СССР – это “русская рулетка”!

Здесь, в Вашингтоне, далеко не рядовое здание масонской ложи “Великий Восток”. Я сначала принял его за *Музей египетского искусства*. И в архитектуре и в мировоззрении масонов – метафизика на метафизике, эклектика на эклектике, имитация на имитации. Главная мысль *масонства* – наполеоновская: о владении всем миром – но несколько устаревшая и претенциозно смотрящаяся, как мундир гренадера, натянутый на статую фараона; кошмарная – как расстрелянное картечью лицо Сфинкса в египетской пустыне. Точно скажу: *этому дому не хватает выстрела из пушки!*

БЛИЗОК КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

В полутемном коридоре американской гостиницы глубокой ночью два народных депутата СССР и один директор российского демократического института стоят пьяные до такой степени, что им почему-то вспомнилась давно уж выпитая бутылка молдавского вина, и они стучатся в номер к испуганному представителю национального меньшинства, требуя отдать им чемодан с шампанским, смеются и подтягивают трусы: “Товарищ Романей, откройте: *джентельмен не должен быть скрягой!*” Но робкий молдаванин прячется, а открывший им дверь народный депутат России, лидер движения “Дем. Россия”, посылает их по-русски к такой-то матери!

Эта сцена напоминает мне “Левшу” Лескова: кто первый напьется так, чтобы увидеть черта. Кто напьется в Америке так, чтобы *стать русским!*

7.03.91. Гостиница “Шератон центр”, г. Нью-Йорк.

Город нужно изучать ногами (заповедь русского путешественника).

За обедом у Джонатана Х., друга Н., у нас состоялся разговор о литературе. Оказалось, что его жена – писатель и, к моему изумлению, вот уже второй год трудится над каким-то романом. К тому же она *вегетарианец*.

Я вынужден был откровенно признаться, что ни на что, превышающее объем в несколько предложений или поэтических строк, категорически не способен. Заниматься два года одним и тем же делом было бы для меня трудно. Это – все равно что отказаться от мяса, и два года, вставая утром, есть манную кашу, а засыпая вечером, бормотать себе под нос одну и ту же “Отче наш”. Так можно не столько написать роман, сколько свихнуться. Это похоже на фрустрацию, а потому – на заурядное бытовое сумасшествие. Ощущение радости от творчества – короткое и яркое, как бокал шампанского! – его нельзя смаковать весь вечер, как крепленое вино. Может *ударить* в голову!

Говорили о **Набокове**. Несмотря на пейзажи, имена и обстановку, “Лолита” для меня – очень *русский роман*. Роман, который может понять только учитель русского языка в средней школе Москвы, читающий его подпольно и под угрозой наказания, а не американский интеллектуал, которому нажужжали в уши, что ему все позволено и для которого нет запрещенных книг и тем.

Книга, сомкнувшаяся с вашей судьбой во внезапном и неотвратимом порыве, читается лучше и понимается не умом, а кожей. Наша кожа, как кожа Марсия, сжимается и болит, когда нам в руки попадают **наши книги**, *плоть и кровь* которых – это наши высосанные *плоть и кровь*. Да славится наше участие телу и крови творчества – наша подземная вера! И от этого она тем более **земная!**

В Америке нет места *поэзии* – непозитически живет человек на *этой* земле. И потому ничуть не удивительно, что в Америке *нет поэтов*. А что их нет, подтверждает удивление американцев нашему домашнему обычаю – приносить цветы на могилу поэта и к подножию его памятника, отмечать день рождения поэта изотерическими собраниями, сопровождающимися чтением его стихов. Американцам это смешно и непонятно: они практичны и рациональны до кончиков ногтей, то есть они обыватели, по-рабски полные этим сытым сознанием домохозяйской “мудрости”.

Америке под силу лишь послеобеденное искусство: галереи, музеи и лавки полны здесь пестрой мазни, по декоративности ближе всего стоящей к обоям, главный герой которой – сытый человек. Сытый человек с его отрывкой, охочий до какой-нибудь пышной толстушки, обладательницы панталон и задранной до пупа юбки. Прозябающие рядом неудовлетворенные женщины так называемого “бальзаковского возраста”, встающие в позы живописные, изощренные и потому вымученные, или просто декоративный сумбур, беспорядок – вот содержание американской живописи. Отрывка. *Бурчание в животе*.

Русские и Американцы могли бы, пожалуй, спеться.

Здесь, как и в России, песня не загнана окончательно в бестиарий кафе, концертных залов, театров и музыкальных магазинов.

Песня здесь звучит – и она является формой бытия, способом жить и выжить для многих американцев, попрыгкой *вспомнить себя* и свое время.

СОВЕТ

Никогда не завидуйте человеку с талантом: имеющий острую шашку, может обрезать *первым*.

8.03.91. “Hilton”, NY.

Русская пословица, которая особенно часто вспоминается в Америке: “Бедность не порок, а большое свинство”.

Такое освинение человека, которое происходит в Америке, стране победившего материализма (определение не моё), конечно, не только от бедности: богат тот, кому ничего не нужно. Честное слово, у меня уже вызывает сочувственное уважение любой человек *только за то*, что ему не нужен видеомагнитофон и цветной телевизор. Не нужен – и все тут.

Заповедь русского за границей: “Спать будем в Москве”.

ИНСТИТУТ ГАРРИМАНА

Горбачева здесь называют нео-Керенским, но затрудняются ответить, есть ли в России еще один Ленин?

Я любезно помог американским советологам: “Одного Ленина у нас сегодня, конечно, нет, но зато есть коллективный Ленин – лидеры национальных движений в республиках. Эти *ленины* с маленькой буквы, но от этого **не менее** отвратительные и опасные”.

Пока мы ехали в машине с Екатериной, православной американкой из Сан-Франциско, она успела мне поведать о семье русских, приехавшей погостить и “вдруг” решившей “остаться”. С нами ехала милая девочка – дочь новоиспеченных невозвращенцев.

Я тут же вспомнил аналогичный случай, только произошедший с уже немолодым мужчиной, о котором рассказала Н. Похоже, что это явление принимает какой-то повальный характер, как чума или сибирская язва.

Я шумно удивлялся и недоумевал по этому поводу. “Я не могу понять, почему так происходит”, – разводил я руками в искреннем удивлении.

Екатерина ответила мне *по-американски* холодно и цинично: “Чего же непонятного – это **экономические иммигранты**. Просто у нас лучше магазины”.

Но разве это удовлетворительное объяснение? И разве оно способно снять мое удивление?! Словно услышав волшебное слово “магазины”, я должен склонить голову и согласиться с Катей: “Да, стоит бросить свою жизнь, друзей и родителей, летний вечер на Воробьевых горах и переулочки Замошечья, шумный Центральный рынок на Цветном и весенние лужи на Солянке, яблоневые сады городских усадеб и праздную осеннюю толпу, разгуливающую по Тверскому бульвару; московскую елку под Новый год и лыжные прогулки в Сокольниках, – что стоит все это бросить к чертовой матери ради куска колбасы”?!

Если бы я сделал так, то уже никогда я бы не смог уважать себя и был бы противен и мерзок, как ворчащая в моем животе *чечевичная похлебка*, на которую я обменял мое первородство!

Неужели я так слаб, что и меня может посетить это подленькое, маленькое желание: всосаться в Америку, обмакнуться в этот сладенький сироп. Неужели и я, как *жадная муха*, могу утонуть этой липкой жижице! Фу, как противно!

Америка от нас уходит, ускользает – я это чувствую! Она оторвалась от нас, как льдинка – и уплывает, кружась, медленно, однако *безвозвратно*.

Но я верю, что я привезу с собой Америку как шрам: я здесь страдал и я был здесь счастлив! Шрамы на нашем теле не видны остальным – мы привозим их под одеждой, но при любом обнажении мы имеем яркие как молния свидетельства нашей судьбы и нашей боли.

Америка – это мой свежий, не зарубцевавшийся шрам. И я верю, что **шрамы украшают мужчин**.